

АЛЕНА НАРЦИССОВА

Из Парижа писем нет

Алена Нарциссова

Из Парижа писем нет

«Издательские решения»

Нарциссова А.

Из Парижа писем нет / А. Нарциссова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967922-2

Восемь историй, оригинальных и поэтичных. Герой каждого рассказа мечтает о большой будущем. Композитор пишет музыку и думает о звездах, кто-то хочет уехать в жаркую страну, космонавт мечтает вернуться домой, а дворник у порога органной школы хранит свою тайну. Для всех рассказов характерны легкость языка и необычная сюжетная линия.

ISBN 978-5-44-967922-2

© Нарциссова А.
© Издательские решения

Содержание

Из Парижа писем нет	6
Органная школа	10
А там – космос...	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Из Парижа писем нет

Алена Нарциссова

© Алена Нарциссова, 2019

ISBN 978-5-4496-7922-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из Парижа писем нет

– Вот, смотри – сам ее собрал когда-то! – мой дядя выкатил из гаража свою машину. Он вышел из машины и стер пыль с капота. – Пользуйся, я все равно сейчас не езжу.

Недавно мне исполнилось восемнадцать, я получил права и хотел практиковаться в вождении. Я посмотрел на машину – она мне ужасно нравилась в детстве. Желтая, с нарисованным языком спереди и яркими картинками по бокам – настоящий автомобиль циркового клоуна. Когда-то мой дядя Филипп, или Фил, как все его называют, хотел заработать, развезая на этой машине по городам и показывая фокусы, но обстоятельства сложились так, что ему пришлось вернуться в город и подыскать более надежную работу. Дядя не продал свою машину, а продолжал использовать ее как передвижное средство в городе. Благодаря машине дядю все узнавали. А теперь она просто стоит в гараже. Своей машины у меня нет, так что я решил на время взять машину у дяди.

В детстве я завидовал Филу и мечтал быть на него похожим. Мне хотелось сидеть за рулем такой же машины и путешествовать. Фил не только сам собрал эту машину по частям, но и сам покрасил и разрисовал. У нее можно откинуть верх и ехать как на кабриолете. Я завел машину – несмотря на свой возраст, она все еще на ходу.

Историю, которая произошла с дядей, я узнал недавно. Фил родился на севере, но поскольку он мечтал жить у моря, а в родном городе его ничто не держало, он приехал в маленький причерноморский городок. Ему всегда хотелось заниматься чем-то экстремальным, романтическим и неординарным одновременно, и одна идея уже давно не давала ему покоя. Но Фил решил, что для начала нужно обустроиться на новом месте и заработать денег. У него было инженерное образование, но, несмотря на это, он смог подыскать работу только автомеханика.

Конечно же, Фил мечтал совершенно о другом. Он всегда умел показывать потрясающие фокусы и хотел организовать собственный цирк на колесах. Фокусам он нигде не учился, придумывал их сам и благодаря богатому воображению постоянно сочинял новые номера. У него был небольшой кожаный сундучок, наполненный шариками, палочками, цветными платками, и с помощью этих предметов Фил мог устроить целое представление. Ловкость рук и фантазия Фила всегда удивляли и восхищали меня, я даже пытался научиться некоторым фокусам, но у меня ничего не получалось. Особенно мне нравился номер, который Фил всегда показывал в самом конце. Он играл на скрипке отрывок из Паганини, а из-под смычка вылетали разноцветные шарики. На самом деле Фил слабо владел игрой на скрипке, хорошо играл только отрывок, выбранный им для номера. Но в сочетании с ловкостью, с которой из-под пальцев появлялись предметы, его игра казалась виртуозной.

Целых два года Фил был автомехаником, параллельно собирая детали для своего автомобиля. И не просто автомобиля, а целого предприятия, как надеялся дядя. Ведь у фокусника, думал Фил, непременно должен быть собственный автомобиль, чтобы путешествовать и давать представления. Он собирался покрасить машину и думал, какой же цвет подошел бы для его нового авто. В эти дни ему приснилось представление, в котором клоун ездил на ярко-желтой разрисованной машине. На следующий день Фил решил, что непременно хочет такую же машину, купил желтую, красную и голубую краски и сам разрисовал авто цветными шариками.

Машина долго стояла без дела, Фил часто любовался ею и стирал пыль, но он не был уверен, что у него все получится. Он долго сомневался, стоит ли вообще затевать это дело, но все же чувствовал, что в этом для него есть большой смысл. И, наконец, он решился.

В то время городок не пользовался большим спросом у туристов, отдыхающих было немного, и Фил решил поехать на своем автомобиле в соседние более крупные города в надежде заработать.

За пару часов он добрался до ближайшего города и сделал там остановку. Он расположился на набережной и начал показывать свои номера. Горстка туристов окружила его, дети были в восторге, но в шляпе, расположенной на капоте машины, появилось всего несколько монет. Фил сделал еще несколько остановок, доехал до следующего города и понял, что шансов заработать таким образом мало. Спустя два месяца такого путешествия по приморским городам он решил повернуть обратно.

Фил вернулся в свой городок и снова стал работать в автомастерской, изредка давая выступления в местах скопления туристов. Фил всюду передвигался на своей машине, которая привлекала внимание пешеходов и автомобилистов. Тогда в дополнение к выступлениям Фил начал катать туристов на своем цветном автомобиле вдоль набережной, но он по-прежнему мечтал о карьере фокусника если не мировой сцены, то, по крайней мере, маленького собственного цирка-шапито.

А еще Фил хотел завести собаку. Ему все время что-то мешало это сделать – то разъезды по городам, то проблемы с жильем. У Филадель никогда не было собаки, но он часто представлял себе, как хорошо им было бы гулять вдвоем, и как собака могла бы помогать ему во время выступлений – носить шляпу в зубах, лаять, когда нужно. Назвать свою будущую собаку он хотел Шарлоттой – неизвестно почему, но ему казалось, что это идеальное имя для большой кудрявой собаки, о какой он мечтал.

Однажды Фил сидел в уличном кафе и смотрел на улицу, и неожиданно из-за поворота выехал фургон, нагруженный декорациями. Поравнявшись с Филом, водитель открыл окно.

– Скажите, я по этой улице доеду до главной площади? Там, где фестиваль?

Фил был не в курсе, что происходит в его городе, так как последние два дня снова путешествовал по соседним курортам. Он указал водителю дорогу, а сам медленно пошел к площади разузнать, что там происходит.

Подходя к площади, он увидел нечто похожее на маскарад – клоуны, люди, изображавшие «живых статуи», раскрашенные палатки, зазывающие посетителей на представление. Фестиваль уличных театров проходил в то время, это было самое заметное событие лета. Фил быстро нашел стойку с табличкой «Регистрация участников».

– Ваш номер 129, выступаете в последний день фестиваля послезавтра, – Филу протянули карточку участника. Он поставил свою роспись, все еще сомневаясь в правильности решения.

Фестиваль подходил к концу. Уже определились фавориты, которые могли стать финалистами, но оставалось еще несколько номеров программы. Номер Филадель был самым последним.

Сцена была построена прямо на улице под открытым небом, зрители сидели по кругу, и их было столько, сколько Фил не видел ни разу. Когда Фил вышел на сцену со своей скрипкой, он сначала разволновался, но потом почувствовал, что публика дает ему свою энергию, и взял смычок. Затем были бурные овации и цветы, а жюри удалилось на совещание. Дальше все смешалось в воспоминаниях Филадель, но два часа спустя в руках он держал сертификат финалиста. Да, именно его приглашают выступить в Париже! Для него подготовят все документы и визу, даты поездки уточняются.

– Ждите письма примерно через месяц, будем рады видеть вас в Париже, – кто-то пожал Филу руку, кто-то дал ему конверт с документами, кто-то щелкнул затвором фотоаппарата.

Фил вернулся домой и долго не мог заснуть. Он уже представлял себе улицы Парижа, Эйфелеву башню, побережье Сены и себя в модном парижском костюме. Он чувствовал, что для него начинается совсем другая, более успешная и интересная жизнь.

Следующим утром Фил начал готовиться к поездке. В первую очередь он сложил весь свой реквизит. Потом на всякий случай проверил почту – конечно, там ничего нет, ведь на доставку письма нужно время. Скорее всего, оно придет только к концу августа. Купил себе новые ботинки в дорогу, достал из кладовки чемодан и часть вещей сразу же уложил в него. За два дня все приготовления были закончены.

По выходным Фил любил пройтись через парк и посидеть в кофейне под липами. Как-то раз по привычке он свернул на дорожку, идущую к кофейне, и в это время ему под ноги упал желтый лист. Деревья стояли еще совсем зеленые, но официально уже наступила осень. Фил поднял лист и стал рассматривать на нем прожилки. «Долго идет письмо», – подумал он, но тут же прогнал тревожные мысли.

В сентябре Фил начал беспокоиться – приглашение все не приходило.

– Может, они адрес потеряли? – размышлял приятель Филадельфии, когда они сидели в кафе на побережье. – А вообще с этой почтой всегда так, ничего не доставят вовремя. Ты жди, я уверен, что пришлют.

Фил ничего не ответил. Он в последнее время вообще стал мало говорить.

В конце сентября Фил решил позвонить в Париж. Но в парижском офисе переводчика не было, а Фил не смог изъясниться на ломаном английском и французском. Он решил, что будет ждать еще.

Прошел октябрь, в конце ноября Фил уже перестал проверять свою почту. Он работал автомехаником, а свой реквизит фокусника разобрал и забросил на дальнюю полку. Фил стал мрачным и почти не говорил. Он чувствовал себя ненужным, целый день скучал на работе, потом приходил домой и без аппетита ужинал. Машину он запер в гараже и ходил по городу пешком. Возможность начать новую жизнь становилась все менее вероятной. А ведь удача была так близко!

Незаметно наступила зима. Фил сидел в купе поезда и смотрел на падающие снежинки. Как обычно, Фил поехал в наш город, чтобы встретить Новый год и Рождество вместе с родственниками. После праздников он решил погостить у нас еще немного, и в конце концов задержался дольше, чем ожидал – он встретил женщину, на которой вскоре решил жениться. Фил еще раз вернулся в приморский городок, собрал свои вещи, попрощался с единственным другом, который сдавал ему квартиру, и уехал. Перед отъездом он проверил почту – там было пусто. Конечно, Фил уже не ждал вестей из Парижа.

Прошло три года. У Филадельфии родился сын, он завел собаку и на его новой работе в офисе дела шли хорошо. Свою машину он хотел перекрасить в серый цвет, но потом ему стало жаль ее, и он отказался от этой мысли. Машина стояла в гараже без дела. Казалось, что жизнь совсем наладилась, но неожиданно приехал приятель Филадельфии, который сдавал ему квартиру на юге. Они не виделись с тех пор, как Фил переехал.

– А еще письмо тебе пришло – посмотри, вдруг что-то нужное, – друг Филадельфии протянул ему конверт. – После твоего переезда обнаружил. Я его нашел в почтовом ящике, да и забыл потом. Все не было случая передать.

Фил взял конверт, повертел его в руках и положил на край стола. Он знал, что внутри. То самое письмо из Парижа, но так поздно и так не вовремя, что он не захотел даже его сразу

открыть. Конверт так и лежал целый день на столе, пока приятель не поспешил на поезд. Тогда, наконец, Фил разорвал пожелтевший уже конверт.

Фил стоял с открытым письмом в руках, у него был потерянный вид. Он долго молча ходил по комнате, бесконечное количество раз перечитывая содержание. Письмо пришло сразу после переезда Филадельфии зимой, а фестиваль прошел не осенью, как предполагалось сначала, а весной. Наконец, он опустился в кресло. Он долго сидел, погруженный в свои мысли, пока собака не подошла к нему и не положила голову на подлокотник.

Фил снова развернул письмо.

– Видишь, Шарлотта, как все получилось, – Фил покачал головой.

Собака наклонила голову, как будто все понимала и сочувствовала Филу.

Я подошел к дяде узнать, что случилось. Тогда он и рассказал мне эту историю.

Потом Фил еще долго сидел у себя в комнате с письмом в руках, пока не уснул. Наверное, ему приснился манеж, аплодисменты и улицы Парижа.

Эпилог

Пожалуй, это конец приключений Филадельфии. Мне очень жаль, что он забросил свою идею, я уверен, что у него бы все получилось. Но я решил вмешаться в эту историю, и кто знает, чем она теперь закончится?

Я переписал имя и адрес с конверта дяди и нашел организаторов фестиваля через Интернет. Я не сильно надеялся на ответ, но спустя месяц на мой электронный адрес пришло письмо с приглашением для Филадельфии. Фестиваль стал ежегодным, и в этом году есть возможность попасть во внеконкурсную программу. Я распечатал письмо, и сейчас еду к дяде на желтой раскрашенной машине. Я не стал звонить ему, хочу рассказать все лично.

Органная школа Рассказ дворника

1

Я почувствовал неприязнь к себе сразу же. В первый же день. Было совсем раннее утро, когда я вошел в белое здание с колоннами. Обстановка была умопомрачительно роскошной. Позолоченная лепнина и большая антикварная люстра в холле, невероятно высокие потолки – такие, что даже голова кружится, если посмотреть наверх. Разноцветные витражи, мраморный пол, тяжелые парадные двери. Гулкие коридоры из холла уводили вглубь здания и казалось, что конца им нет, все они вели в классы, большие и поменьше, и множество других помещений. Некоторое время я стоял посередине холла и не мог сдвинуться с места, даже не знал, куда смотреть – все было так изысканно, величественно, дорого и красиво. Никого не было вокруг, я прошел холл и оказался в органном зале.

Орган был огромный, в барочном стиле, и стоял на возвышении, в глубине зала. Несмотря на ранние часы, органист уже приступил к своим занятиям. Вероятно, это был преподаватель, поскольку ученики приезжают не раньше десяти. Я стоял за колонной, и он не заметил меня. Звуки постепенно наполнили все пространство, было ощущение, что они пронизывают все мое тело и проходят насквозь. Да, такое невероятное ощущение, что я долго не мог пошевелиться, но затем решил проявить деликатность и не мешать органисту – он мог меня заметить в любой момент. «У меня еще будет время послушать», – так подумал я в тот момент и вернулся в холл.

Несколько дверей, выходящих сюда, были открыты. Видно, что здесь только что была утренняя уборка. Влажные мраморные полы блестели, в открытые окна врвался свежий воздух. Я решил осмотреться и заглянул еще в учебную аудиторию – класс был тоже особенный. Дорогие лакированные парты из натурального дерева, фортепиано в углу, нотные листы и какие-то книги на полках. Я сел за одну парту, постучал по ее гладкой поверхности пальцем. Звуки музыки теперь прекратились и снова стало очень и очень тихо, каждое движение и каждый шаг создавали эхо и множилось в пространстве. Я снова направился в холл и решил подождать на кожаном диване у золоченых напольных часов.

И тут неожиданно возле меня появился лакей. Сначала он раскланялся, но, как только узнал, что я всего лишь новый дворник, он прямо зашипел от злости, начал размахивать руками и перечислять, что запрещено, что нельзя, куда не входить, не стучать и не смотреть. По его словам, переступить порог здания с колоннами мне запрещено. Я буду убирать только территорию и заходить можно только в дворницкую – одноэтажную постройку за школой. К ученикам не подходить, не рассматривать их, ни с кем не разговаривать и не задавать вопросов. Директор появится около полудня и даст мне указания. Приходить к нему в кабинет не надо, он сам найдет меня. Ни шагу к парадному входу с колоннами. Также лакей выразил надежду, что я понимаю, куда я попал, и насколько это невероятное место. Вести себя тут следует подобающе. Но, скорее всего, я не гоюсь для этой работы. Другие даже мечтать не могут о том, чтобы оказаться здесь. В этом уникальном месте для избранных.

Еще бы мне не знать, куда я попал. Я ближе к этой школе, чем кто-либо. Конечно, я не стал рассуждать об этом при лакее и вышел на улицу. Я прошелся по дорожкам, ведущим к зданию, а затем отошел довольно далеко – так, что можно было рассмотреть все здание целиком, во всем его величии, и окружающий его ландшафт.

На зеленом холме, там, где заканчивались строения и ничего больше не было вокруг, стояло абсолютно белое, невероятной красоты здание. Оно похоже было то ли на собор, то ли на маленький дворец. Парадный вход с белыми колоннами, лепнина по всему периметру и под крышей, сводчатый потолок. А вокруг только зеленые поля и пустырь. Однако это очень, очень привилегированное место, и далеко не каждый мог оказаться на пороге. Город далеко, добираться сюда можно только на автомобиле – и путнику каждый раз предстоял неблизкий путь по бездорожью сельской местности. Но это лучшая и самая престижная органная школа. Попасть сюда почти невозможно, а пройдя десяток всевозможных испытаний нужно иметь еще и средства на оплату дорогих преподавателей.

Я прогулялся еще, осмотрел унылую серую дворницкую, потом к обеду явился директор. Он дал мне инструкции насчет уборки и также потребовал, чтобы я не переступал порога здания. Я сказал было ему, что бывал уже здесь, о моем происхождении, кем я приходился тому, кто управлял здесь всем, но он отмахнулся: «Это же когда было...» И ушел обратно за колонны, в свой кабинет с кожаным креслом.

2

Каждый день к входу подъезжали дорогие автомобили, и из них важно выходили ученики – они чувствовали свою избранность и давали осознать свое ничтожество окружающим. Навстречу выбегал лакей и услужливо нес до школы их багаж и папки с нотами, придерживал дверь и кланялся, предлагал воду, лимонад, относил пальто и сопровождал в класс.

Каждый ученик был не похож на другого, но было в них и что-то общее – высокомерность, погруженность в себя, и еще всевозможные модные атрибуты вроде швейцарских часов и дорогой одежды. Даже увидев кого-то из них в другой обстановке, в городе, можно было бы догадаться, что перед тобой ученик той самой органной школы. Молодой человек с длинными волосами в модном плаще, ухоженная дама лет сорока, всегда носившая солнцезащитные очки. Девушка с фиолетовыми волосами, полный мужчина, всегда приезжавший в сопровождении слуги. Все они шествовали мимо меня, пока я подметал дорожки у школы, проходили, не глядя по сторонам, высоко подняв голову. Несмотря на их снобизм, я восхищался всеми этими органистами и даже был согласен с тем, что все, даже начинающие ученики, люди избранные. Ведь они могли обращаться с этим гигантом, королем инструментов. И не директор, не ученики и преподаватели были центром органной школы, а орган был сердцем здания и всего заведения, его трубы уходили высоко под сводчатый потолок, а звуки пронизывали находящиеся в органном зале и улетали куда-то ввысь. Я подходил послушать его голос с обратной стороны здания, подолгу стоял под окнами и каждый раз восхищался глубокими тревожными нотами.

Почему я оказался здесь, в этом месте и среди таких людей? Ну, этому предшествовал целый ряд событий. Скоро состоится рассмотрение моего дела, и я очень надеюсь, что все решится благополучно. Я должен во что бы то ни стало вернуть то, что мне по праву принадлежит. Мне нужны некоторые доказательства, улики, детали, факты. Вообще-то мне нужно было попасть сюда управляющим, но они не допустили бы этого. Удивительно, что согласились взять меня дворником – наверное, сочли это неопасным, мои притязания посчитали безнадежными и махнули на все рукой, да и не идет сюда на работу никто, в эту глушь. Мне нужно попасть в архивы школы и изучить документы. Там будет какая-то зацепка, я уверен. Попасть в архив во что бы то ни стало – вот, что сейчас мне нужно. Надеюсь на справедливость и удачу в моих делах.

3

В последнее время стал появляться у школы один старик. Он привозил внучку на занятия и, хотя мог ожидать ее в холле на кожаном диване, попивая лимонад, предпочитал проводить эти часы на свежем воздухе. Он то садился у входа между колоннами и что-то бормотал себе под нос, то прогуливался по окрестностям. Забрел он и в мои владения, я столкнулся с ним у дворницкой и сразу понял, что старик немного не в себе. Он то казался довольно здравомыслящим, то начинал нести чепуху, такую, что ход его туманных мыслей было сложно уловить.

– Ты что тут, невесту ждешь? – начал он с такого неожиданного вопроса как раз в то время, когда я перекладывал инструменты. – А что, нет? Ведь такой хороший парень...

Я решил не связываться с сумасшедшим, но затем как-то так повелось, что он стал заглядывать ко мне ежедневно, и мы стали говорить о многом. Вообще-то больше никого и не было, с кем я мог бы здесь поговорить. Проблески сознания чередовались у старика с помутнениями рассудка, иногда я вообще не мог разобрать его бормотание, а иногда выходила философская беседа о мироздании и смысле жизни. Внучка его, как я понял, подавала надежды и, в отличие от других местных обитателей, училась бесплатно, на средства какого-то гранта, что было редкостью в этом заведении. Приезжали они не на собственном автомобиле, как остальные, а долго добирались сначала до поселка, а далее пару часов ехали на сельском автобусе до пересадочной станции. «Самая красивая в городе, моя внучка. И талантливая. В конкурсе городском – первое место. Вот так вот...»

Как-то раз мы сели прямо у входа, между колоннами. Была уже поздняя весна, вид со стороны органной школы на зеленые поля был чудесный, и в воздухе уже чувствовался запах лета. Мои дела к тому времени стали еще хуже, и, уж не знаю почему, я рассказал старику, как я проиграл дело. Органная школа, которую создал мой дед, зажиточный фермер, фанат и преданный поклонник искусства, на свои средства, стала от меня еще дальше, совсем недостижимо далеко. Какой я был наивный, когда полагал, что, оказавшись тут, совсем близко, хотя бы даже в качестве дворника, я могу быть в курсе всего происходящего и как-то проконтролировать ситуацию, проникнуть в архивы, взять все в свои руки. Мне действительно удалось раздобыть ключи, ночью я проник в книгохранилище, а из него в комнату с архивами. Но документы были уничтожены, лежали только груды пустых папок с надписью «Архив», заполненные старыми газетами. Письма, доверенности – кто-то позаботился, чтобы и следа их не было в этом здании. Теперь и оставаться здесь более не имело никакого смысла. Уже который день я пытался осознать эту ситуацию, но голова была как в тумане.

– И что, так дело и оставишь? – спросил старик. – А я бы уничтожил это все, пусть никому не достанется. Что я тебе объясняю? Ты вон уже собрался бежать отсюда, эх...

Так старик подал мне блестящую идею. Вот он, выход.

– Пусть горит оно все синим пламенем. А ты невесту себе найди. Жениться рано никогда не поздно, – перешел он на свою любимую тему, а затем стало снова не разобрать его слов.

Тут еще из двери вышел лакей и снова зашипел, чтобы я уходил и не отвлекал разговорами клиентов школы, чтобы не сидел у входа, никому не показывался, убирался подальше к себе в дворницкую, и напомнил, что только он, разряженный лакей, может обратиться к ученикам школы и их сопровождающим. Он увлек старика внутрь здания, предложив ему стакан чая.

А с того дня я только и думал, как осуществить план и показать таким образом, кто тут действительно главный. Они еще узнают, кто я такой. Как я решу – так все и будет. Сейчас судьба величественной органной школы полностью в моих руках.

Итак, вместо того чтобы немедленно покинуть это место, я решил задержаться. Разумеется, ни у кого не было относительно меня никаких подозрений. Они вообще не помнили, кто я – ну, дворник и дворник, больше ничего обо мне не думали. Наступило лето, хотя некоторые ученики приезжали на занятия в этот период, большую часть времени школа должна была пустовать. Даже лакей покинул школу и уезжал в город. Это время я и рассчитывал использовать для осуществления плана.

Я не сразу решился на это. Орган... Вот, чего мне было действительно жаль. Орган, заказанный когда-то моим дедом за границей, был собран лучшими чешскими мастерами. Трудно поверить, что такой огромный, величественный и дорогостоящий инструмент мог оказаться в этом захолустье. Я медлил с решением, никак не мог понять, как мне поступить. Да, это самый прекрасный инструмент в мире. И это чудо, что мечта моего деда слушать органную музыку у себя в деревне осуществилась, и что для органа выстроили прекрасное здание, и была открыта эта школа. Но ведь все досталось чужим алчным людям, прибравшим школу к рукам, как только появилась такая возможность. Нет, вот этого я не мог так оставить. Я долго прокручивал про себя эту мысль, пока не пришел к полной уверенности, что я должен противостоять несправедливости, и это определило все мои дальнейшие действия.

Я готовился к событию больше двух недель. Как раз все разъехались, преподаватели отправились в отпуск. Лакей изредка навевался для порядка. Я никак не мог вычислить график его отъездов, он всегда уезжал и приезжал внезапно, я даже не знал точно, был он сейчас в школе или отсутствовал. Изредка я слышал громохание замка, в пустом холле эхом отдавался плеск воды в металлическом ведре – он делал уборку каждый раз по приезду. Больше сюда никто не навевался.

Ветки, обломки мебели, дрова, бензин, какой-то сухой мусор, зажигалка, еще ведра с щепками и какой-то древесной трухой... Постепенно я подготовил все, что должно было хорошо гореть, принес еще бензина. Я не знал точно, как устроить пожар, действовал больше по интуиции, но был абсолютно уверен, что обратного пути нет. Пришел конец органной школе, самому прекрасному архитектурному сооружению из виденных мною и самому легендарному учебному заведению из всех музыкальных.

Спустя еще несколько дней я совершил это. В голове было помутнение, мысли совсем спутались, как именно я действовал уже и не помню. Очнулся как от полусна уже когда огонь занялся и стал быстро распространяться по зданию органной школы.

5

Я пошел прочь по неосвещенной дороге, полыхающее здание с колоннами осталось далеко за моей спиной. Я шел медленно, как в тумане, и ни разу не обернулся назад. Я был уже довольно далеко, но до сих пор слышал треск горящих перекрытий, что-то рушилось и скрипело, а я был спокоен и просто удалялся прочь от этого места.

Внезапно я остановился. Меня как будто что-то пронзило и резко кольнуло в сердце. Я обернулся и посмотрел на органную школу. Пламя охватило все здание сверху до низу, колонны почернели, от лепнины и других примет роскоши ничего не осталось. Мгновение я еще наблюдал за всем этим и вдруг сорвался с места и побежал обратно. Я задыхался, упал на бегу, поднялся из грязи и снова побежал к органной школе что было сил.

Лакей! Я забыл про него! Он уезжал на время каникул, но вчера снова вернулся. Я так был занят подготовкой и пытался учесть все мелочи, что у меня помутился рассудок и я упустил самое важное. Я не видел лакея целый день, но в это время он должно быть лег спать у себя в каморке за органом. Я совершенно забыл об этом, и неожиданная эта мысль привела меня в ужас. Ведь если он погиб – я этому виной, я самый настоящий убийца.

Я снова упал, и похоже, что на этот раз повредил колено, потому что двигался теперь хромая. В глазах потемнело, но надо идти вперед, до органной школы было еще метров триста.

Я оказался уже совсем близко, остановился и не знал, что я мог предпринять теперь. Весь парадный вход был в огне, со ступеней до самой крыши, из окон валил черный дым. Дым начал разъедать глаза, я закашлял и облокотился о колонку с водой во дворе, которая оказалась весьма кстати. Я нажал на рычаг, вода побежала тонкой струйкой, я умылся, а затем снял свой жакет, намочил его целиком и накинул на голову, прикрыв рукавами жакета лицо. Надо идти к черному ходу, возможно, в ту часть здания еще можно проникнуть.

Дверь была не заперта, я влетел в холл, но тут же стал задыхаться. Огонь еще не подступил к этой части здания, но все было в дыму. Я пробрался к комнате лакея под лестницей, дернул ручку – закрыто. В ярости я стал колотить в дверь, но она почти сразу поддалась, ненадежная задвижка отлетела на пол. Лакей спал на кушетке и ни о чем не подозревал, хотя дым уже проник в комнату. Он покашливал во сне, но не просыпался. Я безуспешно пытался растолкать его, в итоге я взвалил его на себя и потащил к выходу. В холле за эти несколько минут дыма стало еще больше. Не помню, как выволок лакея из здания. Он был очень пьян и не в состоянии сделать даже несколько шагов самостоятельно. Я бросил его на лужайку, он приподнялся на локтях и в недоумении смотрел на горящие колонны. Мы были на приличном расстоянии от органной школы и наблюдали, как пожар уничтожает то, что от нее еще осталось. В это время я услышал вой сирены. Пожарные машины примчались на место. Видимо, их вызвали жители деревни. Я был без сил и опустился на траву. Дальше провал, ничего не помню.

6

После пожара я стал знаменитым. Неожиданно меня сделали героем, всюду были фотографии сгоревшей органной школы и фото лакея, которого я вытащил. Писали, что я в одиночку начал тушить пожар, спас человека и еще массу каких-то выдуманных фактов и историй. Однако многие начали интересоваться моей биографией и постепенно выяснили историю моего деда, который задумал создать такую школу и воплотил свою мечту в жизнь. У меня взяли сотню интервью, закрытое дело было пересмотрено, и неожиданно для меня самого справедливость оказалась на моей стороне. В торжественной обстановке со мной были подписаны все документы и вручены ключи. Я вновь оказался у органной школы, точнее, у почерневших ее останков. Но в руках у меня были все необходимые чертежи, а также немалые деньги, так как страховка на случай пожара, как выяснилось, значительно покрывала мои будущие расходы. Самое главное – я заказал в Чехии, в той же самой фирме, что и мой дед, новый орган, такой же большой и великолепный.

Я начал все с нуля, восстановил здание, и оно снова обрело свой величественный облик. Белые колонны на пригорке издали видны были каждому, кто сворачивал с главной дороги. Здание, похожее то ли на собор, то ли на дворец. Я сменил весь состав работников, набрал новый штат, сам занял пост директора и смотрителя, а также делал всевозможную другую необходимую работу – ассистировал преподавателям, делал расчеты бюджета, встречал учеников. Не взял только дворника – не доверяю я им, да и стараюсь не брать лишних людей, сам слежу за чистотой во дворе.

А там – космос...

1

Над черным полированным столом мелькали чьи-то руки, перекладывающие бесконечные бумаги, диски, папки с документами. Отблески от окна и стоящей сбоку лампы отражались на гладкой поверхности, но никаких лиц в полумраке было не разглядеть. А потом порывом ветра снесло со стола целый ворох белых листков, которые закружились и заполнили собой всю комнату. Все пространство с пола до потолка занимали летающие листы бумаги, их становилось все больше и больше...

Уже было и не понятно, что происходит на самом деле, а что вспоминается или снится. Как во сне он увидел себя в каком-то кабинете. Сотрудник средних лет с дежурной улыбкой сказал свою заученную фразу:

– Спасибо, что не забываете про нас. Все материалы, которые нам приносят, внимательно изучаются. В случае заинтересованности мы обязательно позвоним вам.

И тому подобное, каждый раз одно и то же.

Марк вышел на улицу. В последнее время он стал выглядеть менее привлекательным, и даже немного старомодным. Вероятно, виновата в этом была шляпа, а еще неизменный плащ и портфель, в котором он носил ноты.

А лет пятнадцать назад... Хотя, кажется, что времени прошло не так много. Его имя было на афишах, концерты шли в разных городах. Победитель конкурса «Молодые виртуозы» и подающий надежды композитор – так о нем говорили. В гастрольном туре с участием финалистов Марк был одним из самых заметных музыкантов. Тогда он и придумал себе имидж – модная шляпа, длинное пальто или плащ. Он знал, что на него смотрят, шляпа удивительно шла ему, и он ощущал себя в полной мере знаменитостью.

После конкурса казалось, что дела пойдут хорошо, студия звукозаписи дважды приглашала его в офис, планировалась запись альбома. Но потом все отложили на месяц, потом еще на три, и, в конце концов, ничего не состоялось. А вскоре победитель другого конкурса получил этот контракт и премию.

За первым гастрольным туром второго не последовало. Марк постоянно писал и экспериментировал, но произведения попадали только в его личный архив. Дважды его музыка использовалась в детской телепрограмме, а потом наступила тишина. Жена-француженка, тоже пианистка, вскоре сбежала к себе домой в Париж. Тогда он устроился на временную работу в музыкальный колледж, но временная работа затянулась и стала уже его постоянным местом. Прежний лоск угас, осталась только шляпа, которую он носил по привычке, но теперь она как будто не так была к лицу.

Уже несколько лет ничего выдающегося в жизни не происходило, но однажды он услышал новость о готовящемся необычном событии, и все прежние амбиции и желания вдруг снова вернулись, появилась какая-то надежда и новая цель. Такое радостное предчувствие, что жизнь вот-вот снова заиграет всеми красками, стоит только приложить немного усилий и набраться терпения.

Узнал он об этом случайно. В одном из агентств хотел выяснить, есть ли возможность участия в каких-либо конкурсах или новых проектах, и сотрудник, сам не зная, о чем речь, протянул какой-то листок.

– Вот пресс-релиз. Почитайте, может, захотите участвовать. Это совместный проект, Ассоциации композиторов и Центра космических полетов. Странный проект, конечно, но в любом случае изучите. Тем более что ничего другого сейчас нет, совсем ничего...

Марк прочитал пресс-релиз дома.

«Центр космических полетов готовит к запуску корабль Zeptarus-2. Помимо исследовательской миссии объекта, он будет содержать цифровую запись, отражающую аудиальный образ планеты Земля, включая природные шумы, звучание человеческой речи на разных языках и музыку разных стран – от классики до современности. Запись имеет целью передать информацию о нашей планете другим планетным системам в случае существования в их пределах разумных обитателей.

В связи с подготовкой этих материалов объявляется конкурс среди современных композиторов. После прохождения отбора несколько лучших современных произведений вместе с классическими будут записаны на носитель и отправлены в космос в рамках проекта Z-2. Куратором выступает Ассоциация композиторов, где создан специальный комитет для отбора произведений к данному проекту».

Это было несколько запутано и не совсем правдоподобно, но Марк вдруг представил себе, как космический корабль с записью его симфонии выходит за пределы Солнечной системы, и его музыка становится достоянием Вселенной. Воображение нарисовало впечатляющую картину космических пространств с сияющими звездами, сверкающими в черноте метеоритами и призрачными рубежами удаленных галактик, которых, быть может, лет через сто достигнет летающий объект.

Марк на следующий же день подготовил аудиозапись и отнес в Ассоциацию композиторов. Недостигаемый космос из эфемерной субстанции превратился в нечто живое, и вечером, глядя из окна, он видел не безжизненное черное небо, а мог уловить его энергетику, космос как будто манил к себе и становился ближе.

2

В гулком коридоре как всегда полумрак, а в конце коридора и вовсе темно. На потрескавшихся от времени стенах висят портреты композиторов, в конце коридора приоткрыта дверь в зал и видны старые деревянные кресла – здесь как будто остановилось время, и ничто не поменялось за последние пятнадцать, а то и пятьдесят лет. Марк прошел в здание незамеченным, да и некому было его заметить. В конце коридора прошла уборщица, прогремела ведром, и снова стало тихо. Марк свернул в боковой флигель, прошел по стеклянному переходу и остановился у одной из дверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.